

НЕ СМОТРЕЛ, НО ОСУЖДАЮ: по следам “Золотого глобуса” за фильм “Левиафан”

Нет, поймите меня правильно: я очень хочу посмотреть этот фильм. Более того, я уверен, что фильм хороший — я сужу уже по набору актёров и тем немногим кадрам, которые я успел увидеть. Просто пока что посмотреть негде.

Я о другом хотел сказать. Об этих “глобусах-оскарах-нобелевках”, которые вручаются нашим авторам по весьма специфической логике.

Скажем, что мешало вручить престижную награду какому-нибудь нашему фильму лет пять-десять назад? Вы скажете: не было таких фильмов. Ну, тут я поспорю. Фильмы были, и главное — с совершенно

кой задачей. Да и какой смысл — мы ведь сами всё пониманием, нас обмануть не получится.

Так в чём же дело? А всё очень просто. Просто кино не для нас. Это кино для Запада. Там, где хотят видеть только “Рашку-говняшку” (это я не из головы фразу взял, так говорят наши российский режиссёры). Это такой специфический стиль, вроде как у погибших французских карикатуристов. Все знают, что снятое (нарисованное) не вполне соответствует действительности, но всем нравится. Таковы правила игры.

Вот и снимают взятую с потолка историю про “городок на берегу Баренцева моря”, который в реальности снят в городе Кировске, где морем и не пахнет, зато есть поразительной красоты горы Хибин, где мне доводилось бывать и кататься на сноуборде. Это в 150 км. от моря,

ция жизни, не правда ли? Пусть не дают у нас впервые осужденным за убийство на почве ревности “потолок” — 15 лет, да и соседи, давние, почти родня, не так уж спешат обвинить и “посодействовать” следствию (непонятно зачем, из одной только подлости, наверно) — всё-таки и это возможно. Потому что не суть. И что трёх судей (судьи и двух народных заседателей) у нас нет с советских времен, а есть суд присяжных, — тоже не суть. Потому что судебная система вот точно так бормочет казённой скороговоркой исполнителя некоей высшей воли, и лица этой системы правосудия каменные, геометричны, как рост зарплат. Троица здесь — метафора, множественность легиона, “плотный строй чиновников в чёрных сюртуках”. Легион Левиафана — если дело касается маленькой частной судьбы.

Или вот этот алкогольный быт. А вы не

чем на живое. Нет, здесь я перегибаю: огромное количество светлых людей и было и есть у нас. Вопрос в том, почему они бессильны. Позитивные события запоминаются, и это свидетельство общего неблагополучия. Инициативы есть, и даже деньги дают. И всё равно — мало тёплого мяса на скелете государства. Этот скелет всегда вынужденно велик: гипертрофированный, как только и может быть в огромной, холодной, пёстрой стране с тяжелойшей внешней политикой, которая не наша прихоть. Один и тот же рок уродует нашу жизнь: мы слишком бедны в национальном масштабе. Потому у нас две страны. Одна живёт “вдоль Трубы” и является государством, вторая — “поперек Трубы” и называется обществом. То есть, всем не уместиться в синекурах, и этот институциональный, концептуальный разлом прямо приводит к эрозии всех общих понятий, к аномии, прогрессирующему имморализму нашей жизни. К торжеству самодовольной, конформистской, “вписавшейся в жизнь” черни, которая и воспроизводит национальные процессы по своей мерке, разумению и усмотрению. И не может иначе, ни по духу, ни по обстоятельству экономической системы: мало тёплого мяса, не хватает на всех. Зачем понадобилось снести дом Николая? А хотелось мэру губернатора пригласить, показать, каблучками щёлкнуть. И не просто хотелось, а ДОЛЖЕН БЫЛ. Система предписывает подобострастное рвение, каковое должно успокоить вышестоящих: всё под контролем. И значит, нечего там больше контролировать. Суды судят, ряды рядят, труба трубит. Года идут. Десятилетия идут, жизни проходят...

Много можно рассуждать на эту тему. До бесконечности и по кругу, ровно так, как вся наша интеллигенция с момента своего появления на свет... В итоге же всё сходится на атрофии чувства долга. На самой той ситуации, когда это чувство (врождённое, что ли, оно должно быть?), если оно явлено в слове или поступке, вызывает притяние только там, внизу, на улице, в тех поверхностях, которые могут стать предметом телерепортажа. В ином случае оно выглядит глупым и пошлым. Даже не так, не чувство долга и ответственности перед “этой страной”, а дух аристократизма, вот что только и может осесть и судей, и владык, и... гаишников. Я всегда как могу, защищаю нашу церковь, как некий последний оплот России в России. Но и у меня возникает вопрос — когда я слышу, что отцы наши вновь поднимают вопрос о церковной собственности: нашей церкви мало собственности? Я-то и промолчу себе, и миллионы промолчат, а в Лондоне рукополющут. Дух аристократизма и дух старости противоположны, или мне кажется?

Итак, наш путь — “общедельство” (как презрительно называл его Ленин). Путь обзёго дела. Теоретически вещь маловажная, но кому как не России удивлять? Мы всё можем, хоть в Орду, хоть в космос. Нам бы ещё, наконец, сделать свою страну богаче, чтобы перестать уродовать себя в борьбе за блага. В этой нашей вечной борьбе между собой. Не сказать, что бессмысленной, но бесплодной... Эту бы энергию, да, наконец, в русло и по направлению. А оно у нас, словно литература, традиционно одно: туда, откуда аллодируют нашей беде. А Звягинцева за антироссийскость и скандал не вините: разве мы не обратили внимания, что марка изготовителя на гогистой лапе экскаватора, безжалостно крушащего наш семейный быт, — написана латиницей? Что же это вы, россияне, так невнимательны...

Оставим же сотования на финансирование фильма из государственных средств. Правильно сделали. И честно.

Максим ЕРШОВ

P.S. Отзывы с нашего сайта:

1. “Не судите, да не судимы будете” — утверждение как сомнительное, так и лукавое. Посмотрев “Левиафан”, почувствовала себя в океане зловонной жижи. Фильм создан при финансовой поддержке министерства культуры РФ. О чём здесь можно полемизировать?..

2. А вот интересно, если бы “Левиафан” вышел в канун Великой Отечественной, что сделал бы Геббельс? Наверняка размножил бы и разослал во все части германских войск, готовых к нападению на СССР. Чтобы показать солдатам: вот против каких варваров вы идёте воевать!

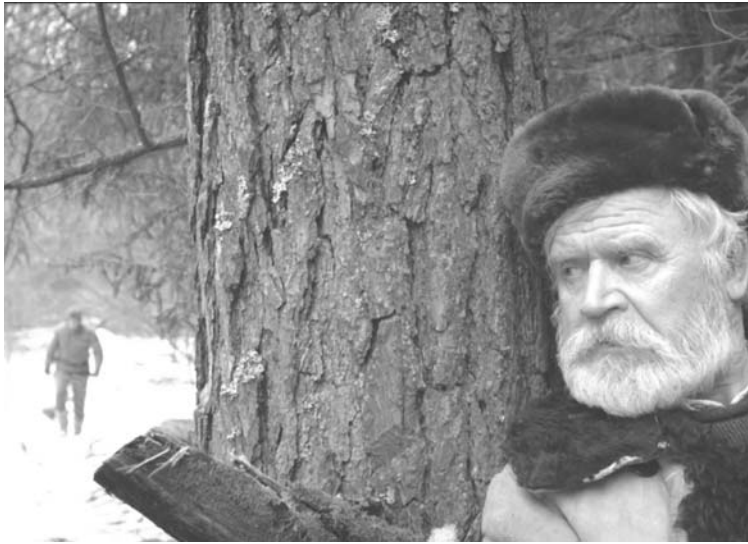
Русское кино про русскую жизнь

Известный актёр Сергей Никоненко снова попробовал себя в качестве режиссёра. И снова — по Шукшину. Недавно представленная в Доме кино его новая картина “Охота жить” стала уже

Неоскудевающая охота жить

третей в “шукшинской теме” мастера.

Три шукшинских рассказа (“Осенью”, “Билетик на второй сеанс” и “Охота жить”) объединены вокруг судьбы главного героя филь-

ма — Фили, которого играет сам Никоненко.

Пересказывать сюжет фильма (и рассказов Шукшина) не имеет смысла, они про русскую жизнь последних советских десятилетий. Эхо войны уже отзвучало, идеологические баталии тоже — на время — отступили в прошлое (или, точнее — прокрались в будущее). Самое время увидеть человека, просто человека — с его фундаментальными, неотъемлемыми ценностями: любовью, состраданием, верой. Даже такой искажённой, как у героя Валерия Барина, кланчащего себе у “Николая Угодника” вторую жизнь (“Билетик на второй сеанс”). Но о последнем — позже...

Кстати, об актёрском составе — Сергею Никоненко под знамя Шукшина удалось собрать воистину блистательный ансамбль: Валерий Барин, Станислав Любшин, Нина Усатова... Плюс более молодые актёры несериального происхождения, чьи персонажи также прочно вписаны в ткань картины и убедительны.

И первое, о чём хотелось бы сказать — что удивляет у Шукшина и что блистательно удалось показать Никоненко: это нестареющая, неостывающая, некрикливая любовь человека-простеца (“Осень”). Через всю жизнь. Она вышла за другого, он весь век прожил с другой. Но не он, не она не выпустили ни в мир, ни в свою душу зла и обиды. Просто — так получилось... И всё это так по-русски! И не отпускает — даже глубокими стариками они ещё горят этим чувством! Как тут не вспомнить “Скифов” Блока:

*Да, так любить, как любят наша кровь,
 Никто из вас давно не любит!
 Забыли вы, что в мире есть любовь,
 Которая и жжёт, и губит!*

И хочет жить! Не “возвращает почтительно билетик”, как Иван Карамазов, а напротив — кланчит ещё и “на второй сеанс”, то есть начать всё с начала. В этом — разница между русским гордецом-интеллигентом и простецом-человеком, и пускай вера допившегося до “белой горячки” и бесед с “Николаем Угодником” мелкого деревенского жулика комична. Как же она отличает от “умно-худошавой”, “немецкой” веры просвещённого атеиста! Об этом не только у Гоголя и Достоевского (вспомним подлека Смердякова, даже он всё ещё верит в “одного-двух старцев”), об этом и у Шукшина. И у Никоненко.

И последнее — о чём хотелось бы сказать в связи с фильмом. Очень характерна концовка (собственно, сюжет рассказа “Охота жить”), где режиссёр отступает от шукшинского текста. Точнее — доосмысливает его. И, я думаю, вполне оправданно.

Беглого рецидивиста, который убивает в спину пожевшего его охотника, — в конце концов, загоняет в болото и загрызает волчья стая. Зло поживает само себя. И само себя карает. Кому, как не русским людям, пережившим “лихие девятые” и двухтысячные годы, — верить в это. Василий Макарович Шукшин — верил. Поэтому — приятного просмотра!

Алексей ШОРОХОВ

Дорогие друзья!

Обращаемся к вам за помощью.

Нашей газете для полноценной работы сайта в режиме реального времени требуются волонтеры-помощники, знакомые с работой корректора. Электронная почта нашего издания с появлением сайта возросла в несколько раз.

Требуются также волонтеры-помощники на должность экспедитора по доставке газеты в определённые точки Москвы.

С благодарностью примем вашу помощь.

Редакция

По следам "Левиафана"

оригинальными, так сказать, национальными сюжетами. Прям “Россия на экспорт”.

Та же “ПираМММиды”, к примеру (дело вкуса, конечно, но меня впечатлило). Пожалуйста: классическая российская история о жадности, о сломе формации громадной страны и сопутствующей деформации мозгов. И персонажи какие! Почему вспомнил — и там, и там главного героя играет замечательный актер Алексей Серебряков. Но не об этой картине речь.

И тут “Левиафан”. Нет, история наверняка имеет право быть. Тем более, что режиссер Звягинцев утверждает, что вдохновлялся библейской историей об Иове. Вечная, так сказать, тема.

Допустим.

Но при чём здесь “городок на берегу Баренцева моря”? Как человек выросший на Кольском полуострове, я сразу настоярился. Что это за кости гигантского кита на берегу? Это скорее характерно для Чукотки, в наших местах китов-то мало-то осталось, нетипично как-то.

Вот оно — “не типично”!

Отсюда и будем плясать.

Что это за супер-коррупцированный такой городок на берегу Баренцева моря, скажите на милость? Из небольших городков там большая часть — военные гарнизоны, остальное, скорее посёлки. Ну да ладно, считайте, что это я придираюсь.

У меня претензии куда более принципиальные. Ту коррупционную историю, что описывает Звягинцев, скорее можно было бы наблюдать в южных регионах нашей необъятной Родины — там, где я живу теперь, а стало быть, понимаю, о чём говорю. Типичная история — соседняя со мной станица Кущевская. Вот это была бы “типичная” история. Почему фильм не о ней?

Правильно: на Кубани нет китов. Да пейзаж плосковат, не так живописен.

Но и это я снова придираюсь: художнику нужна фактура.

Согласен. Под фактуру можно и реально перейти. Лично я так и делаю. Но я пишу в жанре постапокалипсис.

А у Звягинцева как бы реализм.

Хорошо. Реализм. Реальная история. История из российской жизни, пропитанная гнусностями путинского режима (это уже из британской критики).

Стоп.

Что-то тут не так. Сморим в аннотацию, читаем и хлопаем глазами: режиссёр-то, оказывается, перепёр на родную почву “бургундскую полечку”, простите, историю американского автора Марвина Химейера! Стало быть, это и есть история об ужасной российской действительности? Что же, американский автор — гнусный антисоветчик? Читаем — ничуть не бывало. Автор пишет о простом американце из глубинки и его борьбе с коррупцированными “левиафаном”. Только, простите, американским.

Па-азвольте! Это как? (это я голосом Никиты Михалкова сейчас). Каким, пардон, образом американская история про американского работника изобличает “путинский режим”? Караул, братцы! Нас немножко вводят в заблуждение! Кино не о нашей ужасной действительности — оно о кошмаре простого американца!

Звезда в шоке.
 Как же так? Нас “хотеть обмануть”? Да ну, что вы. Режиссёр не ставил та-

если что. Зато шикарная натура.

Так и комбинируется искривлённая реальность.

Иначе не получить “Золотой глобус”.

Нет, поверьте, я не против таких комбинаций — это и есть работа художника. Вопрос в другом. В том, что искусствен-

ная, комбинированная картинка выдаётся за современные российские реалии. Да Бог с ним — пусть выдаётся. У нас же свобода слова.

Хуже, когда это используется в политических целях. А в каких ещё целях сейчас могут дать приз российскому “антироссийскому” фильму?

Вот и выходит, что “Золотой глобус” за “Левиафана” в данный момент — это всего лишь очередной политический выпад против нашей страны. Как в своё время награждение Пастернака, Бродского, Солженицына уже другими глобальными премиями. Поймите меня правильно, каждый из этих авторов — гениален, я ничуть не умаляю их заслуг. Мне только горько, что наши талантливые люди становятся идеологическим оружием противника. И становятся с удовольствием.

Так что сегодняшний “Золотой глобус” меня не радует.

А жаль.

Владислав ВЫСТАВНОЙ

ТРАГЕДИЯ КАК ОБЕДИНЕНИЕ

Возмущен-то я был заранее: прочёл отзывы пять или шесть. И недоумевал: но как эти актёры — Серебряков, Ядова, Бдовиченков — такие наши актёры, могли принять участие в русофобском шабаше?! А именно такое впечатление сложилось у меня из той информационной волны, которая поднята. Фильм грохнулся в российский море, как метеорит. Опалая души лондонскими аллодисментами, яда которых мы не снесли. Случай этот характерен сам по себе. Лично я теперь точно знаю: смотреть надо самому. Потому что критика одревенела: она не помнит даже, что такое критический реализм, которым в первую очередь славна наша литература, та самая, которая и великая, и русская.

В фильме есть несколько “перегибов”. Но искусство это всегда некая concentra-

ведь Левиафан-то — чудиде морское, и на каком ожном море вы найдёте эти скелеты морских чудид — кораблей и китов? Где проливать свою слезинку ребёнку, чья слезинка никому, кроме глупых и пьяных соседей, не нужна, как не пред символическим скелетом Государства Российского? Пред детдомовскою тётёй, которая если окажется человеком на своём месте, то не благодаря, а вопреки? И где, как не в этом месте, время имеет солёный запах вечности и просящиеся вековые устои? Где, как не в этом море-окияне холодной тоски, утонуть ненакрашенной русской душе?

Это очень правдивый фильм. Он требует от нас задумываться, осознать, действовать. Каждый где может, в эллитре своей обыденности — но с возрастом ответственности и силы по мере взросления положения. Посмотрите: в “Левиафане” нет никого, кто выше жизни, выше привычки, выше происходящего. Это фильм о нашей усталости и нашем усталом, конформистском издевательства друг над другом. Это в Лондоне думали, что автор издевается над Россией, и рукоплескали. Нет! Мы можем сказать, что Звягинцев изготовил зеркало на английских манер, в рамочке специальной, ибо нет пророка в своём отечестве. Но сказать, что видим в нём не себя, мы не можем. Грешны, братцы, и неча на зеркало пенять...

В лице Звягинцева и группы известнейших наших актёров к нам возвращается эхом русская классика. Классика литературы, от гоголевской шинели до солугубовского гологого беса. Перовского “Крестного хода”. Если угодно, до распутинского “Пожара”. Через многих и многих. Через всех, через нашу традицию. Вызывающую о человеке. Не надо перечислять наши литературные мартирологи, да, чтобы понять это?

Россия не дана нам такой, такой она нам задана. Сменяются номера веков и эпохи, а “Левиафан” власти всё так же больше похож на рентгеновский снимок,

поры отнесли их слово к “литературе”? А вот, кажется, с той поры, как сами сознали себя, так и стали. Писарев накричит на Пушкина, научит Базарова ставить “салюги выше Шекспира”, Маяковский вообще сбросит Пушкина с корабля современности (уж очень мешали его свет и

ния о ней, с гениальным чутьём — вообще очень присущим изменной натуре — выбирать и нахваливать всё самое дикое, грубое, бездарное”.

Вот так — не пуская деревенщиков в народ. Да они бы и сами в этот “народ”, “наросший у них под носом”, шаг не ступили. Ведь повер-

Скрасной строки

Валентин КУРБАТОВ

только Россия их освободит, а Европа согласится признать освобождёнными. Начнут же они свою новую жизнь... с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, ручательство и покровительство их свободе... и убедят себя в том, что России они не обязаны ни ма-

лейшего благодарностью, напротив, что от влостолюбия России они едва спаслись... Может быть, целое столетие, или ещё более, они будут трепетать за свою свободу, заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на неё и интриговать против неё...".

Надо ли продолжать перед выпуском украинских новостей? Не вспомнить ли заодно и Болгарию, которой Россия отдала столько сил на Шипке, чтобы Болгария потом выступила во второй мировой войне на стороне Германии, а в наши дни валила памятник Алёше?

Вот чем можно быть задетым — этой глухотой к писательскому слову. Да и разве только о них — Украине, Болгарии — тут речь? А про нас-то самих у того же Достоевского не горше ли, когда он воспроизводил рецепты реформаторов культуры 80-х годов XIX века: “Мы намерены образовывать наш народ поменьшечку, переделав его национальностью в иную. Образование построим на отрицании всего прошлого, а чуть выучим народ грамоте, начнём обольщать его Европой, заставим его стыдиться своего прежнего лаптя и квасу, подействуем на слабые струны народа. И, когда он застыдится своего прошлого и проклянет его, тогда уж народ наш...”.

К чему это я всё веду-то? А вот к “Году литературы” и веду. Что не у неё, литературы, “срок годности” истёк, а у нас, у нашего духовного устройства. Когда же мы, правда, перестали слушать своих писателей, совесть свою, с какой

свобода, которые, кажется, только по-русски и говорили в небесной полноте). Ну, а теперь уж, естественно, ни Писарева (кто помнит сегодня его пламенные статьи?), ни Маяковского (этому досталось ещё больше, его вообще постарались в нарицательные перевести).

Эта “традиция” живуча. Давно ли нашей последней великой литературой, литературой “большого стиля” была “деревенская”? Скажешь: Астафьев-Белов-Распутин и вы уже вместе, и вы уже народ и ваши сердца согласны независимо от того, тонкий ли вы интеллектуал или деревенская старуха, которой эти книжки прочитают вник. А сегодня вон “герой нашего времени” Дмитрий Быков прямо нам в глаза пишет:

“В русской литературе семидесятых годов XX века сложилось направление, не имеющее аналогов в мире по антикультурной страстности, человеконенавистическому напору, сентиментальному фарисейству и верноподданническому лицемерию. Это направление, во многом определившее интеллектуальный пейзаж позднесоветской эпохи, получило название “деревенщины”, хотя к реальной деревне, разумеется, отношения не имело... Их подмывало обличить в жидовстве и беспечности тот новый народ, который незаметно вырос у них под носом и в который их не пускали, потому что в массе своей они были злы, мстительны, бездарны и недружелюбны. Деревенщики отстаивали не мораль, а домохозяйство представле-

нётся же язык сказать о “Последнем поклоне”. “Последнем сроке” (ах, чувствовали “деревенщины” мёртвый шаг новизны), как о литературе “мстительной, злой и бездарной”. Что это как не “расчистка пространства” для нового забвения, для новых “украин”, для нового вопроса Велико-го инквизитора ко Христу: “Зачем Ты пришёл нам мешать?”. Что это как не потрошение смыслов великих слов, чтобы набить их своим подменным содержанием на скорую продажу? И вот всё мелеет на глазах, текст легчает и становится “необязательным к исполнению”, просто “текстом”, чего веков не бывало в русской литературе. Так исподволь, не замечая подмены, прощаемся мы со своим великим наследием, подольщаясь, как в недавней политике к “цивилизаторному человечеству”, “гражданскому обществу” и иным, непостижимым, не содержащим плоти и смысла отвличениям.

Великую литературу становится страшно перечитывать. Она вся — укор в глухоте и слепоте. Её вечная сиюминутность уже не доблесть, а только доказательство нашей духовной уклончивости. Актуальность великой мысли становится тщетной и, в конце концов, делает не-весомой и самую реальность, заставляет усомниться в её действительности, делает её только платёжом, словом, лишённым плоти и правды. И самая горькая правда, повторённая в “подходящих обстоятельствах”, становится призрачна, иначе как бы могли возникнуть эти “подходящие обстоятельства”. Они могли рож-

даться в молодые неграмотные времена. Сегодня им извинения нет. Всё написано и доступно. Вся великая мысль человечества в распоряжении любого ума. Пойми и прими.

Но откройте телевизионное окошко вечерних новостей: Украина эвакуирует своих граждан в Днепрпетровск, Россия своих — в Ростов, Украина объявляет мобилизацию, Донецкая республика объявляет ответную мобилизацию. Там встаёт в строй сотня тысяч молодых людей, здесь — сотня тысяч молодых людей. А ведь эти сотни тысяч молодых людей с оружием — это закрытые шахты, мёртвые заводы, погибающая земля. Мачеха “свобода” отнимает сыновей у живых матерей, которые уже не встанут с обеих сторон, не отнимут у детей оружие и не скажут: “Иди на завод, сынок, садись за трактор — земля погибает”, потому что и матери тоже дети телевидения, и вот их детям предстоит стать “живой силой противника”. И живой только до последней сводки о потерях противника в этой “живой силе”. Словно та и другая сторона не читала Астафьева и Василия Быкова, Носова и Корнейчука, и не знает, что за “живой силой” стоят конкретные Мыколы и Николаи, Васыли и Василии, Грици и Григории, чьи отцы были братьями, как Петро Герасименко, вытаскивавший на себе с поля боя раненого на Днепре Виктора Астафьева. Словно и не было за ними великой литературы и им не надо опускать перед нею глаза.

Вот для чего Россия объявляет “Год литературы”, как всеобщую духовную мобилизацию, как призыв к прозрению, к мужеству и свету. Оказывается, для труда и мира мужества требуется больше, чем для войны. Старая литература знала это всегда. Дай Бог, чтобы узнала и современная. Как там у “устаревшего” Толстого: “Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Как просто...”.

Псков